

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

ШМЕЛЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ В КРУПНОМ ГОРОДЕ:
УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ**

специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005

Работа выполнена на кафедре прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор социологических наук, профессор
Дмитрий Петрович Гавра

Официальные оппоненты:

доктор философский наук, профессор
Игорь Петрович Яковлев

кандидат социологических наук, доцент
Анна Гераклитовна Танова

Ведущая организация

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Защита состоится 21 сентября 2005 года в 16 час. на заседании диссертационного совета Д/212.232.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: ул. Смольного, д.1/3.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан "21" ноября 2005 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

 Соколов Н.В.

2006-4
26122

2244208

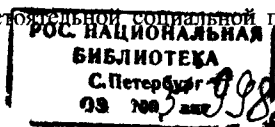
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и степень научной разработанности.

Пожилые люди в современной России являются одним из наиболее незащищенных социальных слоев. Они оказываются в ситуации потенциального социального неблагополучия и социальных рисков, что обусловлено комплексом факторов: ослаблением здоровья и способности самообслуживания, утратой трудоспособности, недостатком доходов для поддержания привычного уровня жизни, утратой сложившихся социальных связей с референтным трудовым и социально-профессиональным окружением. Эти риски усугубляются в условиях рыночных экономических отношений. Проблемы пожилых людей являются проблемами социальными, затрагивающими все общество. Актуальность темы диссертации обусловлена целями социального развития России, декларируемыми Президентом РФ в качестве особо значимых социальных ориентиров, и принципиально изменившейся за последние годы демографической ситуацией.

Демографические тенденции старения населения Российской Федерации полностью совпадают с прогнозами для постиндустриальных стран (изменение соотношения работоспособного населения и группы людей пенсионного возраста, замена «горизонтальной» демографической организации общества (доминирование одного поколения и быстрое замещение его другим поколением) на «вертикальную», в которой длительное время будут сосуществовать несколько поколений, стремящихся к доминированию). В 1990-х годах произошло снижение средней продолжительности жизни в нашей стране, одновременно суммарный коэффициент рождаемости на каждую женщину детородного возраста упал ниже показателя (2,3), обеспечивающего простое воспроизводство населения. Подобная асимметрия при отсутствии взвешенной политики может привести, по мнению многих демографов, экономистов и социологов, к неоправданно большим перегрузкам системы социального обеспечения, экономики страны в целом. Некоторые исследователи не видят в этих тенденциях явной угрозы благополучию общества или государства. Вывод очевиден — необходимо иметь объективные данные, точную картину условий жизни, стандартов потребления (не только материальных ресурсов) и социального благополучия, социального здоровья пожилых людей. Только на первый взгляд кажется, что мы вполне обладаем этой информацией из-за иллюзии полноты информации о людях «третьего возраста», которые живут среди нас. Демографы дают точную информацию об их количестве, возрасте, уровне доходов и т.д. Но «тайной за семью печатями» остается ответ на вопрос о том, насколько успешно пожилые люди интегрируются в жизнь меняющегося социума, какими средствами они преодолевают (и могут ли вообще преодолеть?) социальную изоляцию своей возрастной группы, насколько адекватны стереотипы более молодых поколений в отношении старшей группы?

В период разворачивания экономических и политических реформ начала 1990-х годов, приведших к принципиальному изменению характера социальных процессов в нашей стране, пожилые люди в качестве самостоятельной социальной группы, иг-

растающей важную роль в обществе, на некоторое время перешли в периферийную зону внимания исследователей. Отчасти это было связано с возникновением сложностей для проведения объективных, полноценных научных исследований в указанный отрезок времени, поскольку скорость изменения фоновых условий существования пожилых людей и их социально-психологических характеристик многократно возросла. Другой причиной было переключение внимания социологов на вновь формирующиеся и играющие все более важную роль в стране социальные слои. Но в условиях выхода на социальную арену возрастных групп, попавших в так называемую «демографическую яму» начала 1990-х годов (что неизбежно проявится в некотором снижении уровня рождаемости в стране через 5–8 лет), и изменения возрастной структуры населения России в направлении его старения, исследование условий жизни старшего поколения, оценки им качества своей жизни, выбор адаптационных практик все в большей степени привлекает внимание как российских, так и зарубежных ученых.

По данным Санкт-Петербургского Комитета государственной статистики, в 2004 г. пенсионеры составляли не менее 27,5% от численности постоянного населения Санкт-Петербурга (это очень высокий показатель, поскольку в Российской Федерации пенсионером по возрасту является каждый пятый гражданин). В России жизнь пенсионеров имеет свои особенности. К их числу следует отнести последствия глубокого стресса, перенесенного пожилыми людьми¹ в конце 1980-х – начале 1990-х годов, конфискационную экономическую реформу начала 1990-х гг., низкий по сравнению с уровнем доходов в стране уровень пенсий. В течение последнего десятилетия соотношение между прожиточным минимумом и доходами пенсионеров не обеспечивало большинству из них необходимого качества жизни.

Крайне редко в поле внимания исследователей попадает такая проблема, как самооценка пенсионерами степени своего социального благополучия и исследование структуры факторов, его определяющих. Комплекс причин, влияющих на восприятие пенсионерами качества жизни, варьируется в зависимости от региона проживания, хотя есть и универсальный набор показателей, делающих жизнь пожилого человека вполне достойной и благополучной. Федеральные и региональные структуры государственной власти не могут игнорировать интересы и потребности представителей старшего поколения, при этом неизбежно возникает вопрос об эффективности использования ресурсов, направляемых на обеспечение этой социальной группы.

Исследование социально-культурных параметров оценки качества жизни самими пенсионерами является обязательным элементом выстраивания адекватной социальной политики в регионе по отношению к нетрудоспособному населению. Обладая

¹ Европейское бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) рассматривает возраст от 60 до 74 лет как «пожилой», 75–90 лет — «старый», старше 90 лет — «долгожители». Используемая в зарубежной социологической литературе классификация (65–74 года — «молодые пожилые», 75–84 года — «старые», от 85 лет — «очень старые») принципиально не отличается. Но с учетом сформировавшегося негативного контекста использования в русском языке слов «старый», «старик» мы в данной работе будем использовать в основном понятие «пожилые люди» для обозначения категории петербуржцев, достигших пенсионного возраста, хотя полностью разделяем классификацию старшей возрастной группы, предложенной ВОЗ.

этой информацией, региональные власти могут грамотно избежать конфликтов, порожденных недостаточным учетом проблем одной четверти населения такого значимого субъекта Российской Федерации, как Санкт-Петербург. Обращение к «исследованию случая», стандартов качества жизни в представлениях пенсионеров, проживающих в Санкт-Петербурге, определялось отнюдь не уникальностью ситуации, которая сложилась в этом субъекте Российской Федерации. Единство критериев оценки качества жизни для пожилых людей, проживающих на территории одного региона, крупнейшего мегаполиса, позволяет снять теоретические проблемы интеграции полученной информации. Общие признаки социальных процессов, происходящих в нашем городе, можно считать эталонными (т.е. типичными, теми, которые проявятся со временем в других крупных региональных промышленных центрах). Дополнительным аргументом для исследования стандартов социального благополучия пенсионеров этого региона была и возможность получения полной достоверной эмпирической информации.

Объектом данного диссертационного исследования выступают российские пенсионеры как социальная общность, обладающая сходными чертами во всех сферах жизнедеятельности, условиями и образом жизни, относительно устойчивой схожей системой социальных норм, стереотипов массового сознания и социальных интересов.

Предметом исследования является качество жизни пенсионеров Санкт-Петербурга в единстве его объективного и субъективного аспектов, позволяющее выявить представления данной социально-демографической группы о стандарте социального благополучия и социального здоровья, наиболее эффективных стратегиях и адаптационных практиках пожилых людей в условиях стабилизации российского общества, выстраиваемых ими на основе актуальных индивидуальных ресурсов.

В диссертационном исследовании сознательно ограничена группа лиц, относимых к пенсионерам. В работе речь идет исключительно о пенсионерах по возрасту (пожилых людях, достигших пенсионного возраста) безотносительно того, продолжают ли они трудиться или вышли на пенсию. Иные категории пенсионеров (пенсионеры по выслуге лет, военные пенсионеры, пенсионеры-инвалиды по болезни, инвалиды детства и т.д.) не рассматривались, поскольку они имеют иные социальные возможности, стандарты жизни и стратегии поддержания социального благополучия.

Основной целью диссертационного исследования является анализ качества жизни пожилых людей в крупном городе в единстве его объективных и субъективных характеристик, изучение динамики стандартов социального благополучия в представлениях пожилых жителей Санкт-Петербурга на рубеже 1990-х – 2000-х гг., что позволит сделать вывод о степени адаптации этой группы к новым экономическим, социальным и политическим условиям современного российского общества.

Выбор периода 1990-х – 2000-х гг. обусловлен несколькими причинами. Во-первых, принципиально отличаются исторический и политический контекст жизнедеятельности социальных групп в Российской Федерации в 1990-х и 2000-х гг. Во-вторых, стадия стабилизации, в которой находится теперь российское государство, позволяет выявить особенности и эффективность политики социальной поддержки пенсионеров,

которая является важным фактором обеспечения социального благополучия пожилых людей. В-третьих, именно на рубеже 2000-х гг. меняется стандарт социального благополучия пенсионеров в их собственных глазах и, как следствие, происходит изменение стратегий и адаптационных практик пожилых людей.

Реализация цели исследования предполагает постановку и решение следующих задач:

- Опираясь на анализ социального содержания процесса старения выполнить социологическое описание специфической социальной общности – пожилых людей;
- Дать аналитический обзор методик оценки качества жизни, системы критериев, характеризующих качество жизни пожилых людей;
- Разработать концептуальные основы социологической оценки социального здоровья и социального благополучия пожилых людей, опирающиеся на парадигму качества жизни;
- Проанализировать трансформацию показателей социального здоровья и социального благополучия пожилых пенсионеров, проживающих в Санкт-Петербурге в постперестроечный период на стадии либеральных реформ и на стадии стабилизации управленческих процессов;
- Выявить наиболее распространенные социальные практики (экономические, коммуникационные стратегии, стратегии поддержания физической активности, стратегии проведения свободного времени, наличие инновационных стратегий получения новых навыков и знаний), используемые пожилыми людьми в новых для них условиях изменения (и утраты некоторых) социальных функций.

Методологическая и методическая база исследования.

В рамках социальных наук в целом, и социологии, в частности, проблема социального благополучия и здоровья пожилых обычно трактуется с точки зрения обязательств государства по социальному обеспечению людей, которые долгие годы трудились, пресумпция богатства своей страны. Достаточно часто исследователи акцентируют проблему соотношения предлагаемых государством гарантий социальной поддержки пожилых людей и их реальных потребностей. Следует отметить, что проблемы исследования старших поколений в традиционных, промышленных (Н. Смелзер, К. Манхейм), а теперь и в информационных обществах (М. Кастельс, Э. Гидденс, О. Тоффлер) активно исследуются на протяжении нескольких десятилетий. Обычно тема социальной группы, объединяющей пожилых людей, исследуется в рамках теории социальной стратификации (Г. Мердок, М. Андерсон), концепции социализации и жизненного цикла (У. Рубинштейн, Д. Гласс, Е. Кюблер-Росс, Э. Эриксон), теории социального неравенства, групп и организаций (Р. Таунсенд), теории семьи (Л. Стоун, У. Гуд, Я. Туровски, П. Стейн), теории народонаселения (Е. Голдсмит, М. Райли, Г. Карт, М. Янг, Т. Шалер). Из исследований отечественных авторов советского времени, посвященных жизненному пути человека, пожилым людям, не потеряли своей актуальности публикации Л.Н. Когана и И.С. Кона.

Анализ англоязычной литературы убедил нас в том, что ключевым направлением исследований в постиндустриальных странах, как и в России, являются нормативные

аспекты оценки уровня и гарантий социального обеспечения пожилых людей. “Welfare states” демонстрируют высокую заинтересованность в судьбах своих нетрудоспособных граждан, что проявляется, в частности, в регулярном проведении слушаний по проблемам пожилых людей в парламентах зарубежных стран с привлечением независимых экспертов и использованием результатов опросов общественного мнения о состоянии системы социальной поддержки пенсионеров (например, за последние 5 лет более 30 слушаний в Конгрессе США были посвящены проблемам пожилых людей). К традиционным направлениям исследований относятся также изучение стандартов жизни пожилых людей (П. Уайтфорд, К. Бонд), уровень материального обеспечения и структура расходов пенсионеров (Д. Полин, К. МакГэрри, Р.Ф. Чейни), критерии качества жизни пенсионеров (Э. Уолкер), практика социальной помощи престарелым, исследование социальных факторов продолжительности жизни пенсионеров (Дж. Уилмоз, Ш.Хориупи).

В последние годы был опубликован ряд статей, которые согласуются с предложенной в диссертации системой оценок и моделей социальной адаптации пожилых людей. Кажущиеся на первый взгляд вторичными, не основными для решения материальных проблем пожилых людей такие программы, как создание парковых зон с учетом их потребностей, программ двигательной и физической активности, обеспечение неформальных социальных и коммуникативных сетей и т.д. (С. Темпест, Ч. Бэрнет, Ч. Купланд, Д. Моррис, Д. и Х. Тинсли, К. Кроскейс, Л. Купер, Х. Томас, П. Офтиновски, Н. Кеттинг, Т. ван Тилбург, М. Броз ван Гросен, Н. Селуин, С. Горард, Л. Маддлен, Дж. Форлонг, Дж. Аронсон, Б.П. МакКормик, С.Ричардс), свидетельствуют о внедрении в повседневную практику межгрупповых контактов уважительного отношения к пожилым людям, готовность относиться к ним как к равноправным гражданам, обладающим собственным, поддерживаемым и одобряемым обществом стилем жизни.

Основными направлениями в исследовании условий и качества жизни, социального здоровья и благополучия пожилых людей в современных отечественных исследованиях, на наш взгляд, являются следующие: исследование социально-экономического статуса и положения пенсионеров (М.Б. Денисенко, Л.Г. Иванова, А.В. Писарев, Л.П. Храпылина, О.Ю. Косенко, Н.Н. Симонова), социальная политика государства по отношению к пожилым людям (Г.А. Парахонская, М. Роджерс, Н.С. Дегаева, Н.Е. Ускова, Н.В. Пейтлер), формы социальной поддержки этой группы (Н.Ф. Дементьева, В.А. Вавилов, Е.А. Зарецкая, О.В. Краснова, И.А. Ленкова, Л.В. Митякина, Т. Толкунова, Н.П. Щукина, С.В. Марков), круг социальных контактов (Т.К. Арсфьева, Н.Н. Симонова) и социокультурные стратегии пенсионеров (Е.С. Кузнецов, Ж.В. Хозина, Н. Павлинов, С. Топорков), способы адаптации пожилых людей к новым экономическим и политическим условиям (Н.С. Гончарова, Л.И. Савинов, Н.В. Герасимова, Н.Н. Цветаева), оценки возрастных психологических изменений (Н.Х. Александрова, И.М. Румянцева).

В последние два года заметно возрос интерес к изучению пожилых людей. Во многом это определяется запросом властных структур, которым для грамотного выстраивания социальной политики необходимо иметь точное представление об основных

параметрах этой социально-демографической группы. Но наметилась политически значимая тенденция оценивать пенсионеров не только как объект приложения усилий структур государственного социального патроната (О.В. Краснова, Н.Г. Ковалева, И.Н. Бондаренко, Г.В. Морозов, В.Н. Пуцина, Н.В. Гудков) или жертв произвола и насилия (М.В. Пучков). Во многих работах звучит призыв учитывать новые возможности общества, которые появляются у социума в связи с увеличением числа людей пенсионного возраста. Акцент делается именно на способности представителей старшего поколения положительно влиять на процессы в нашей стране, активно участвовать в общественной и политической жизни, параллельно решая важную задачу самореализации этих людей (Д.Г. Владимиров, А.В. Писарев). В последние 15 лет было защищено около двадцати диссертаций по социологическим наукам, посвященных социальной роли пенсионеров. Как показал анализ этих работ, их тематика практически полностью совпадает с темами монографических работ и научных публикаций в журналах (Н.В. Герасимова, Н.В. Гудков, Н.Л. Кузьмичева, Л.Б. Кулемина, Е.В. Мальхина, Нам Дэ Хи, И.В. Нечаева, В.В. Поляничко, Т.И. Саножникова, Н.И. Силина, Н.Е. Ускова, Н.П. Щукина, В.И. Явных). В этих работах анализируется преимущественно ресоциализация пожилых людей, широко представлены управленческие схемы, направленные на улучшение социального положения пенсионеров. В большинстве работ пожилые люди анализируются как объект деятельности государственных структур федерального уровня, особое внимание уделяется организации социальной работы в постперестроечной России.

Среди наиболее значимых современных работ в области методик оценки качества жизни следует отметить прежде всего методику ВОЗ, разработки К. Муздыбаева, П. Октябрьского, А. Ольховского, А. Ершова, Ю. Хайруллина, Л. Куликова, Л. Моргулец, Я. Яклоф. При подготовке диссертации использовались теоретические подходы А.Маслоу, Э.Аллрада, Р.Мосса, Дж.Шефера, С.Фолкмана и Р.Лазурус, Дж.Фейгин, Х.Гербо, Дж.Мак, С.Лэнслей и др. В числе наиболее важных отечественных работ в области оценки системы критериев, характеризующих качество жизни пожилых людей, отметим публикации Ю. Аверина, С. Айвазян, К. Муздыбаева, В. Бабинцева, Ю. Бахметьева, В. Бобкова, В. Бочкаревой, Л. Гордона, О. Даргель, Л. Кесельман, М. Мацкевич, Л. Куликова, публикации исследовательских коллективов Фонда «Институт экономики города», Центра стратегических разработок, ФОМ, ВЦИОМ. Периодизация политических поколений на основе этапов политической социализации представлена в работах Е. Шестопал, Н. Головина. При разработке методики эмпирического исследования социального здоровья и социального благополучия пожилых перебуржцев были использованы разработки исследовательского коллектива ИСЭП РАН и ИРЭ РАН 1997-2001 гг. в составе проф. Е. Тишина, проф. Д.Гавры и к.э.н. С. Иванова.

Эмпирическую базу исследования составили опросы населения Санкт-Петербурга пожилого возраста, выполненные на базе независимого исследовательского Агентства «МАРКО» (2003-2004 гг.), руководителем которого является автор работы. В качестве эмпирического материала после проведения вторичного анализа использованы

данные реализованных в 1990-х годах в Санкт-Петербурге проектов, посвященных качеству жизни пенсионеров.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Раскол в группе пожилых петербуржцев в настоящее время в меньшей степени отражает имущественное расслоение и в большей — расслоение по способам адаптации, в основе которых лежит различие уровня образования.
- Стратегии адаптации пожилых людей к социальным условиям в современной России в основном совпадают со стратегиями советского времени. В ближайшие годы доля сторонников активной жизненной стратегии среди пожилых людей будет возрастать, причина этого имеет внешний (мобилизационный) характер.
- Выбираемые пожилыми людьми стили жизни и стратегии адаптации связаны преимущественно с разными типами социальной и межличностной коммуникации.
- Основными коммуникативными стратегиями, определяющими качество жизни пожилых людей, являются (в порядке убывания значимости) «независимость» (сохранение достаточных ресурсов для удовлетворения витальных потребностей, здоровье, возможность обеспечивать себя самостоятельно), «гарантированная помощь младшего поколения» (признание материальной зависимости от детей, ожидание регулярной помощи извне), «территориальная дистанция межличностных отношений» (соблюдение баланса символической автономности и способности поддерживать позитивные социальные контакты с группами помимо своей семьи, возможность общаться на «своей» территории), «ретрансляция жизненной стратегии молодости в настоящее время» (отказ от ограничения интересов и круга общения рамками только своей семьи).
- Стратегия получения достаточных материальных средств для обеспеченной жизни большей частью пожилых петербуржцев связана не с собственными усилиями по зарабатыванию денег или поддержанию здоровья, поддержкой брачного партнера, а с проживанием в семье и регулярной помощью детей.
- Реальный уровень солидарности и взаимопомощи внутри своей возрастной группы у пожилых людей низок, а потенциал самоорганизации этой социальной группы пока не проявился в достаточной степени.
- Обучение пожилых людей выполняет преимущественно компенсаторную функцию и субъективно воспринимается большинством из них как попытка уйти от каждодневной рутины не очень устроенного и некомфортного быта.

Научная новизна исследования.

Основные элементы научной новизны состоят в следующем:

- Разработана структурная модель системы социального здоровья и социального благополучия пожилого населения современной России, опирающаяся на концепцию качества жизни.
- Обосновано применение методологического подхода, использующего социальные нормативы стандартов качества жизни к оценке и управлению процессами обеспечения социального здоровья и социального благополучия пожилого населения.
- Разработан методологический и методический инструментарий эмпирической со-

циологической диагностики и мониторинга социального здоровья и социального благополучия пожилых людей.

- Выполнено детализированное социологическое описание условий жизни и механизмов адаптации пожилых людей проживающих в крупных городах в период социально-экономических реформ.
- Выявлены основные типы стратегий социальной адаптации пожилых людей к социальным условиям в современной России.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Основное теоретическое значение исследования, представленного в работе, заключается в том, что в диссертации впервые в отечественной социологической литературе принята попытка методологического обоснования проведения социологической диагностики социального здоровья и социального благополучия граждан пожилого возраста, проживающих в крупном промышленном центре (на примере Санкт-Петербурга).

Практическая значимость результатов исследования заключается прежде всего в том, что сформулированные в диссертации выводы и предложения могут быть использованы в качестве важнейшего элемента информационной базы для разработки мер в рамках реализации целевых медико-социальных программ в России и Санкт-Петербурге в частности. Основные положения диссертации могут быть учтены в процессе подготовки политических и управленческих решений, направленных на развитие гериатрической службы и в целом системы социальной защиты россиян пожилого возраста.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавательской работе при подготовке курсов по социологии, социальной работе.

Апробация работы. Материалы и основные результаты выполненного исследования были представлены на семинарах в «Городском гериатрическом (медико-социальном) центре», обсуждались в рамках «круглых столов» и рабочих встреч с руководителями Комитета по труду и социальной защите населения Администрации Санкт-Петербурга. Материалы исследования докладывались на научных конференциях факультета социологии СПбГУ в 2003-2004 гг.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры прикладной и отраслевой социологии социологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Структура работы строго соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения, библиографии, приложения. Общий объем работы 173 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, его методологические основы. Показаны научная новизна и практическая значимость диссертации. Представлена структура работы и дан обзор основных источников, на которые она опирается.

Первая глава — «УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ В

ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ» — посвящена анализу теоретических наработок исследователей в оценке характеристик и стандартов жизнедеятельности социальной группы пожилых людей. В первом параграфе — **«Российские пенсионеры как социальная общность»** — рассматривается история формирования понятий «старость», «пожилой человек», формулируется авторская позиция в дискуссиях о сущности и содержании этого феномена. Автор обосновывает необходимость изменить отношение к данной социальной группе, поскольку достижение пенсионного возраста не означает уход с рынка труда или утрату дееспособности, происходит смещение самого возрастного интервала, обозначающего старость. Пожилые люди могут оцениваться как относительно устойчивая социальная общность, основанная на естественном демографическом признаке — возрасте, обладающая сходством условий существования и жизнедеятельности, образом жизни, общностью ценностных систем и вполне осознанных интересов, четкой идентификацией в системе «мы — они» («свой — чужие»), сформированная под воздействием объективных социальных процессов. Пожилые люди, пенсионеры одновременно принадлежат к нескольким социальным группам, играют разные социальные роли, поэтому некоторые их стереотипы и повседневные практики могут приходить в противоречие с интересами данной социальной группы. В 1990-е гг. происходил массовый отказ от существовавшей ранее модели самоидентификации, когда группа утратила на некоторое время способность к выработке собственного устойчивого образа. Дисфункция социальной интеграции в социуме пожилых людей сопровождается частичным ослаблением их социальных контактов, резким сужением социального пространства, проявляется в неадекватности при оценке роли «своей» группы в обществе. Социальное самочувствие пожилых людей коррелирует с приписываемыми им социальными ролями, формальными и неформальными нормами поведения. В работе анализируются проблемы «ложного комплекса идентификации», эффективности ресоциализации этой группы. В случае неудачной реализации этих новых норм и стратегий поведения пожилые люди достаточно легко возвращаются к ценностям, усвоенным в рамках первичной и вторичной социализации.

В рамках социологических теорий выделяются теории «освобождения» (старение определяется как отчуждение от прежних социальных функций, связанное с неизбежным приближением немощи и смерти), «активности» (включение в деятельность рассматривается как средство компенсировать мучительное переживание утраты пенсионной сферы деятельности), «формирования субкультуры пожилых» (поддержание дружеских связей и создание новой системы социальных контактов с себе подобными позволяет сформировать новую систему ценностей и сохранить чувство психологической стабильности), «распределения материальных средств» (утрата статуса и финансовых средств после выхода на пенсию приводит к утрате контроля над членами своей семьи и относительной изоляции).

Необходимо изменить отношение к пожилым людям как к иждивенцам, сохранить их в составе рабочей силы. Пожилой возраст воспринимается даже самими пенсионерами как время утрат, сужается круг социальных контактов, растет социальная изоляция,

значимые межличностные контакты становятся напряженными, часто проявляется страх стать жертвами преступления, что негативно сказывается на социальном настроении, ограничивает деятельность этих людей. До 30% россиян склонны относиться к людям пенсионного возраста как к «отжившему поколению»; активно развивается такое негативное явление, как эйджизм, дискриминация по возрастному признаку.

В этом параграфе анализируются основные точки зрения на категорию «поколение», обосновывается необходимость выделять три поколения в группе пожилых людей (до 1929 года рождения; 1929-1939 гг. рождения; 1939-1949 гг. рождения), что связано с принципиальным отличием в эти периоды условий первичной и вторичной социализации. Отличия установок этих поколений фиксируются по отношению к власти и характеру экономических отношений в обществе, доминирующему набору политических ценностей, особенностям политических взглядов, потенциально допустимому субъективно спектру политических действий. Автор указывает на сбой принципа преемственности поколений в 1990-2000-х годах, когда более молодые поколения перенимают опыт своих более успешных сверстников и более молодых когорт, а авторитет старшего поколения уничтожается, поскольку многие его ценности оказываются непригодными в условиях нового экономического и политического строя. Низкая способность к адаптации пожилых людей проявляется, в частности, в ослаблении сплоченности группы, в доминировании иррациональных устаревших норм.

В соответствии с общей тенденцией происходит разрушение относительной гомогенности социальной группы пожилых людей по материальному признаку. Но структурирование социальной общности пожилых людей должно учитывать три критерия: а) материальный уровень обеспечения; б) социальная активность, связанная с выбранной стратегией адаптации к новым условиям; в) психологическое благополучие как способность индивида наполнить смыслом жизнь в «третьем возрасте».

Во втором параграфе — **«Условия, индикаторы и социальные качества жизни российских пенсионеров»** — анализируются четыре подхода к определению сущности категории «качество жизни»: а) как показателя уклада, уровня, стиля или образа жизни стандартам своей социальной группы; б) как обобщающей, дополняющей или противоположной характеристики по отношению к «уровню жизни»; в) как основному эмпирическому индикатору, например, состоянию экологии или интенсивности стрессовых ситуаций в общественной жизни и т.д.; г) как средней степени удовлетворенности потребностей населения в товарах, услугах, безопасности проживания и возможности личностного развития.

В результате проведенного анализа в диссертации предлагаются следующие подходы пониманию категории «качество жизни пенсионеров». Во-первых, к объективным аспектам качества жизни пенсионеров можно отнести качество медицинского обслуживания, доступность необходимых лекарств и медикаментов, наличие надлежащего ухода. К субъективным аспектам — оценку объективных параметров и степень удовлетворенности индивидуальных потребностей. Обосновывается необходимость использовать интегративный подход, сочетающий оба эти аспекта. Во-вторых, в основу

анализа должны быть положены как деятельностный, так и системный подходы. Анализу подлежат как условия жизни всей группы, достаточно жестко детерминированные социально-экономическими обстоятельствами, так и отдельных индивидов, что связано с особенностями личности, условиями социализации (происхождением, воспитанием, образованием, потребностями, интересами, ценностями, моделями поведения). В-третьих, наиболее значимыми индикаторами оценки социального благополучия является ощущение счастья, удовлетворенность жизнью в целом, своим материальным и социальным положением, надежды на перемены к лучшему, настроение, усталость, отсутствие чувства отверженности другими людьми. Используемые большинством исследователей при оценке удовлетворенности жизнью «пирамида потребностей» А. Маслоу и классификация трех базовых потребностей Э. Аллардта («иметь», «любить», «быть») не позволяют комплексно оценить качество жизни пожилых людей. Обосновывается целесообразность использования адаптированной к российским условиям методики I.C.I (Living Conditions Index) Это — интегративный показатель, связывающий Индекс удовлетворенности с условиями жизни, показатели «уверенность в будущем», «стремление к переменам», ряд других показателей (здоровье, характер питания, образование, жилищные условия, отдых, личная безопасность, занятость, социальная защищенность, состояние экологии, уровень развития гражданского общества и т.д.). В оценке социального здоровья необходимо, помимо объективной стороны (качество медицинского обслуживания, доступность лекарств, наличие надлежащего ухода и т.д.), фиксировать и субъективную сторону (оценку объективных параметров и степень удовлетворенности индивидуальных потребностей).

Оценка уровня жизни предполагает исследование обеспеченности населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей. Использование понятия «уровень жизни» направлено на изучение и таких показателей, как условия жизни, труда, занятости, быта, досуга, здоровья, образования, среду обитания социальных групп и т.д. По критерию материальной удовлетворенности выделяется четыре уровня жизни: достаток (уровень, обеспечивающий не только материальные, но и образовательные, культурные и иные потребности индивида); нормальный уровень, который хотя и не предполагает создание условий для всестороннего развития личности, но все же обеспечивает полное восстановление физических, интеллектуальных и эмоциональных сил индивида); бедность (потребление жизненных благ на уровне относительного сохранения жизнеспособности человека и его способности к выполнению некоторой работы); нищета (минимально допустимый уровень поддержания жизнеспособности индивида, на грани физиологического выживания).

Теории среднего уровня, такие, как «теория практики адаптации», «теория стратегии совладания с жизненными трудностями», «концепция синдрома бедности» обладают хорошей эвристической способностью для объяснения социальных проблем людей старшего возраста. Пожилые люди находятся в ситуации, которые превышают их обычный адаптивный уровень в стрессовых ситуациях до выхода на пенсию. По-

мимо продолжительности бедствий (хронические, краткосрочные) следует учитывать такие показатели стрессообразующих факторов, как тип жизненных событий (имущественные, межличностные, связанные с утратой близких, ухудшением здоровья и т.д.), интенсивность (острые, средние, умеренные, незначительные), величина потерь или угрозы, степень управляемости событий (контролируемые и неконтролируемые, поддающиеся адаптации и не поддающиеся), уровень влияния (макро- и микрострессоры). Следует выделять тип стрессообразующих факторов: относятся ли они к вызову (характер развития событий индивид не может предусмотреть заранее, но для избежания негативных последствий ему следует приложить существенные усилия), потере (индивиду нанесен ущерб) или угрозе потери (развитие событий грозит индивиду именно утратами). У пожилых людей преодоление стрессообразующих ситуаций значительно осложняется. Проанализированы основные стратегии совладания с жизненными трудностями (концепция Р. Мосса и Дж. Шеффера, альтернативный подход С. Фолкмана и Р. Лазуруса), дан обзор стратегий совладания со стрессовыми ситуациями пожилыми людьми в России, описан механизм психологического освоения новых поведенческих практик. Анализ бедности российских пенсионеров проведен с учетом объективной и субъективной стороны этого явления. Приведена трактовка понятий «абсолютной» и «относительной» бедности, проанализированы существующие в научной литературе подходы к причинам бедности, стратегии адаптации к новым условиям.

Социологи используют понятие «социальное самочувствие» как обобщенную характеристику эмоциональной самооценки качества жизни. Автор доказывает, что для этой цели более релевантным являются понятия «социальное благополучие», «социальное здоровье», поскольку в них фиксируются и объективные условия существования людей, и самооценка этих условий, и оценка соответствия социальных притязаний ресурсам группы, к которой принадлежит респондент, и степень удовлетворенности респондента своей жизнью. Социальное здоровье пожилых людей определяется как интегративный показатель состояния физического, психического, интеллектуального, духовно-нравственного здоровья, его социально-экономического благополучия. Необходимым параметром совокупного социального здоровья является способность населения объективно оценивать свое состояние и принимать меры к его улучшению.

Категория социального здоровья может пониматься в узком (показатели социально-экономического благополучия рассматриваются отдельно) и широком (помимо показателей собственно социальных составляющих здоровья включает и показатели социального благополучия) смыслах. При оценке социального здоровья пожилых петербуржцев необходимо учитывать две — объективную и субъективную — стороны. Первая связана с объективными параметрами физического и психического здоровья, экономического благосостояния, социальных условий жизни и социального статуса. Вторая — субъективная (личностная) определяется состоянием сознания социального субъекта, восприятием собственного положения в новых условиях, оценкой внешних условий существования, степенью комфортности человека в социальном окружении. Важнейшими направлениями социальной политики государства по отношению к по-

жилым людям являются социальная защита (обеспечение гарантий конституционно установленных прав пожилых людей как граждан страны), социальная помощь (забота о людях, которые оказались не в состоянии самостоятельно поддерживать нормальные жизненные условия), социальная поддержка (целенаправленная адресная система мер, ориентированная на создание условий социально-экономического пожилых людей как социально значимой для государства и общества категории населения).

Во второй главе — **«Адаптация пожилых людей к новым социальным условиям: case study»** — анализируется трансформация стандартов социального здоровья и благополучия пожилых пенсионеров, проживающих в Санкт-Петербурге в постперестроечный период на стадии либеральных реформ вплоть до сегодняшнего этапа стабилизации управленческих процессов. В первом параграфе второй главы — **«Опыт изучения качества жизни пенсионеров в Санкт-Петербурге в 1990-х гг.»** — анализируются результаты изучения потребностей и удовлетворенности жизнью пожилых людей в прошедшее десятилетие. В сознании пожилых людей здоровье и материальное благополучие неразрывно связаны. В первой половине 1990-х годов пожилые горожане не были склонны проявлять особой заинтересованности в участии в общественной жизни. Хотя проблема состояния здоровья была актуальна для них в наибольшей степени, получение навыков управления своим телом и психикой не было значимым для большинства. Основными источниками улучшения жизни для пожилых людей выступали государственные органы социальной защиты, родственники, друзья. В общественные организации, в т.ч. церковные, к различного рода специалистам обращался каждый десятый. В наименьшей степени для улучшения своей жизни пожилые петербуржцы были склонны менять образ жизни, отношения с людьми, работу. В более позднем возрасте потребность в друзьях и дружеской поддержке остается очень высокой, а возможности резко снижаются. Зафиксирован большой разрыв между мотивацией обладания социальными благами и мотивацией активного преобразования своей жизни. У пожилых людей доминировало убеждение в том, что их потребности, благополучие должен и будет обеспечивать кто-то другой (государство, близкие).

Среди социальных настроений пенсионеров Санкт-Петербурга во второй половине 1990-х годов преобладали негативные оценки своей жизни, депрессивное настроение, неэффективные повседневные практики, негативная оценка настоящего, идеализация прошлого, негативная оценка всех возможных перемен в жизни, отсутствие стратегических планов на длительный отрезок времени, способность планировать жизнь только на 1–2 месяца. У значительной части пенсионеров наблюдалось особо острое переживание социальных неудач, одиночества, ненужности близким, отверженности со стороны общества и государства, ощущение себя несчастливymi, усталыми, психологически угнетенными, имеющими серьезные проблемы со здоровьем. Пенсионеры, как и большинство низкообеспеченных социальных групп, склонны использовать следующие стратегии: пассивное принятие существующего положения; ожидание чуда; попытка мужественно пережить лишения, относясь к ним как к временным испытаниям; обращение за помощью к родственникам, знакомым, в различные государст-

венные структуры, государственные и негосударственные социальные организации; отказ от платных услуг, работа на садовом участке, ремонт вещей и т.д.; стремление изменить что-то в себе, чтобы изменить ситуацию; оценка ситуации, разработка плана действий; попытка найти источник дополнительных доходов; акцентирование положительных сторон своей жизни, психологическая компенсация социального неблагополучия; объявление виновными в сложившихся обстоятельствах конкретных людей; стремление скрыть от окружающих свои затруднения, ограничения общения; продажа личных вещей, жесткая экономия; молитва, сон, принятие успокаивающих лекарств; фантазии на тему преодоления трудностей. Для пожилых пестербуржцев особенно актуальным в конце 1990-х годов было обращение к «своему» депутату городского Законодательного собрания. Это культивировало патрон-клиентские отношения в избирательных округах и «привязывало» избирателей к «своему» депутату, но позволяло без многочисленных бюрократических «проволочек» решать материальные и социальные проблемы пожилых людей. Обычно сочеталось несколько стратегий. Действия большинства пенсионеров направлены не на преодоление бедности, а на выживание, доминировали индивидуалистические стратегии, приватные адаптационные практики.

Среди пожилых людей преобладает отношение к бедности как к неизбежности существования пожилых людей в нашей стране, но они считают, что их бедность вызвана низким уровнем пенсионного обеспечения, неэффективной деятельностью государства по управлению доходными отраслями промышленности, несправедливым распределением богатства в обществе, несовершенством общественного устройства в целом. Они не склонны считать себя ответственными за свое бедственное положение. Пенсионеры, выпедшие на пенсию в 1990-х гг., перешли в категорию «новых бедных» именно в результате экономических реформ. Этот фактор наложился на явление депривации, связанное с изменением статуса и ресурсов после достижения пенсионного возраста.

Во втором параграфе второй главы — «Социальное здоровье и социальное благополучие пенсионеров Санкт-Петербурга в 2000-х годах» — анализируются субъективные оценки пенсионерами своей жизни. Успешно адаптировалась к новым условиям жизни меньшая часть пожилых пестербуржцев, но доля крайне негативных оценок своей жизни пенсионерами меньше, чем доля позитивных. Материальная составляющая оценки качества своей жизни пенсионерами является важным, но не определяющим фактором. В механизме адаптации пожилых людей проявляются и элементы «синдрома концлагеря», при котором относительно снижается «порог чувствительности» к реальным обстоятельствам жизни, и потребность в реконструкции смысла своей жизни. Зафиксированное расхождение в оценках материального положения и оценки собственной жизни демонстрирует сохраняющуюся потенциальную возможность проявления социального недовольства пожилых людей. Из социально-статусных характеристик уровень образования у пенсионеров в Санкт-Петербурге является наиболее важным фактором, характеризующим качество жизни (обладатели неполного среднего образования склонны оценивать жизнь как «неудовлетворительную» и «очень неудовлетворительную», пенсионеры с высшим образованием склон-

ны оценивать жизнь как «удовлетворительную» и «очень удовлетворительную»). Качество питания достаточно высоко оценивает практически половина пенсионеров, однако около 40% оценивают его как плохое, около 7% — как неудовлетворительное. Наибольшие сложности у пенсионеров вызывает оценка качества социального и медицинского обслуживания, возможность проведения ими полноценного отдыха в соответствии с собственными интересами.

Достаточно неплохо в целом оценивают пенсионеры свои жилищные условия. Жилищную политику в отношении пожилых людей правительство Санкт-Петербурга должно строить с учетом категорического нежелания большинства петербургских пенсионеров переселяться в социальные дома и дома престарелых, их скептического отношения к программе получения материальной поддержки и бытового обслуживания в обмен на завещанное жилье опекунам. Только каждый десятый пожилой человек считает, что государству следует отдавать свою жилплощадь в обмен на пожизненное содержание в домах престарелых. Подавляющее большинство петербургских пенсионеров предвзято относится к возможности переехать и в социальный дом. Подобное отношение связано с потребностью сохранять независимость даже в преклонные годы, с представлением о доме престарелых и о социальном доме (различия между этими категориями большинство пожилых людей не проводит) как о месте пребывания людей несостоявшихся, с низким статусом, ненужных, со страхом пережить унижения от посторонних людей и т.д.

При оценке своего здоровья по пятибалльной шкале только 1,6% пенсионеров-петербуржцев оценивают этот показатель «на пятерку». Считают свое здоровье хорошим 28,4% пожилых людей. Больше половины (53,7%) пенсионеров оценивают свое здоровье «на тройку», 16,2% — «на двойку». Значимыми возрастными границами являются шестидесятипятилетний (до этого возраста пенсионеры оценивают свое здоровье «на четверку») и семидесятилетний возраст (по его достижению пенсионеры склонны оценивать здоровье на «двойку» или «тройку»). Более оптимистично оценивают здоровье мужчины, люди, не считающие себя вправе претендовать на группу инвалидности, те, кто «очень удовлетворен» своей жизнью. Склонны считать себя более немоощными вдовы и люди, никогда не состоявшие в браке, инвалиды первой и второй групп, не удовлетворенные своей жизнью, не работающие пожилые люди. Большинство пожилых петербуржцев страдают одновременно 4-5 заболеваниями. В диссертации проанализированы данные по группам заболеваний, снижающих физическую активность пожилых людей.

Наиболее удовлетворены своей жизнью пожилые люди, воспитавшие троих и более детей (половина от данной группы), тогда как среди воспитавших одного ребенка удовлетворены своей жизнью 36,4%, среди воспитавших двух детей — 37,9%, среди не имеющих детей — только 25,3%. Уровень конфликтности в семье, где выросло больше двух детей, между поколениями значительно ниже, чем в малодетных семьях. Многодетные пожилые люди после ухода на пенсию в меньшей степени, чем другие, озабочены переосмыслением собственной жизни, т.к. бытовые проблемы, проблемы

давно выросших детей продолжают занимать существенную долю их внимания. Авторитет на производстве, профессиональные успехи, круг общения и прочие показатели, которые в значительной степени меняются после выхода на пенсию, для этих людей были компенсированы сознанием своей востребованности в семье. Большая часть многолетних семей сталкивалась в период воспитания детей с серьезными материальными трудностями, а потому уровень их запросов был несколько ниже. Многолетние пожилые люди в большей степени могут рассчитывать на материальную поддержку со стороны своих детей. Пожилые люди, сохранившие брачные отношения, с большей степенью удовлетворены своей жизнью, чем люди разведенные или вдовы / вдовцы. Никогда не состоявшие в браке в большей степени затрудняются с оценкой качества своей жизни. Но совместное проживание со своими родственниками не является гарантией эмоционального, психологического благополучия пожилых людей. Семья как социальный институт переживает в России системный кризис. Не менее трети пожилых людей испытывают серьезные проблемы в отношениях с совместно проживающими с ними другими членами семьи. Конфликты с внуками распространены на порядок реже, чем с собственными выросшими детьми или супругами (уровень конфликтности с этими группами у пожилых людей примерно одинаков), они имеют значительно меньшую остроту и носят, в основном, ситуативный характер.

В третьем параграфе второй главы — **«Социальные практики адаптации пожилых петербуржцев»** — анализируются стратегии экономического обеспечения, стратегии поддержания своего здоровья и физической активности, коммуникационные стратегии, стратегии отдыха и проведения свободного времени, стратегии получения нового знания и навыков. 83,4% пожилых петербуржцев рассчитывают в основном на свою собственную пенсию, в том числе 13,1 % считают существенным подспорьем пенсию своего мужа или жены. Собственную работу как основной источник стабильного дохода имеют только 17,9% пожилых петербуржцев, в т.ч. временно подрабатывает примерно 4% пожилых людей. 6,5% пожилых людей находятся фактически на полном содержании у других членов семьи. Абсолютно незначимым источником дохода для нынешних пенсионеров является их личная собственность — 0,2%.

Каждый пятый (18,8%) из числа опрошенных пенсионеров заявил, что ему не хватает денег до пенсии. Две пятых из числа опрошенных (42,8%) считают, что пенсии хоть и с трудом, но хватает на жизнь. 38,4% пожилых петербуржцев денег до следующей пенсии хватает. Относительно благополучными в материальном плане являются только 11,2% пожилых петербуржцев. Большинство пенсионеров отличаются заниженными социальными ожиданиями вследствие осознания практической невозможности улучшить свое материальное положение. Почти две трети пенсионеров считают, что материальное положение не меняется (61,3%), 29,6% считают, что оно ухудшается. Менее 10% считают, что оно улучшается. Наиболее активны в сохранении работы петербуржцы в возрасте первого пенсионного пятилетия (одна треть «молодых пенсионеров» работают), они неохотно меняют стиль своей жизни, сохраняют социальные амбиции, психологически не готовы к переходу к режиму жесточайшей

«экономии», характерной для неработающих пенсионеров.

С советских времен существенным материальным подспорьем выступала сельскохозяйственная продукция, получаемая с личных садово-огородных участков. 43,6% пенсионеров имеют садово-огородные участки, но продукцией с «шести соток» пользуются не более 37%. Доля одиноких пожилых людей, которые не ведут совместного хозяйства с другими членами семьи, составляет одну треть от числа пенсионеров. Треть пожилых людей, вырастивших детей, не имеют от них никакой материальной поддержки. 28,1% говорят о регулярной ежемесячной помощи. Около 40% получают помощь от случая к случаю. Наиболее регулярно получают материальную поддержку родители, воспитавшие троих и более детей. Помощь детей не ограничивается деньгами, т.е. речь идет именно о комплексной поддержке, об оказании бытовой помощи (стирка, уборка, приготовление еды, покупка продуктов), оплате коммунальных услуг, выполнении поручений, связанных с общением с государственными чиновниками.

Пожилым людям важно соблюдать баланс автономности, независимости и защищенности, возможности общения, подтверждения своей значимости для родных. Но только очень хорошие отношения с собственными детьми дают пожилому человеку ощущение счастья. Если он оценивает их как «достаточно хорошие», «не очень хорошие» или откровенно «плохие», пожилой человек крайне низко оценивает и свою жизнь в целом. Наличие близких родственников и друзей воспринимается как норма, которая не влияет на качество жизни, но отсутствие их переживается как жизненная неудача.

Субъективное право на автономию сопряжено в сознании пожилых людей с возможностью встречаться с другими людьми у себя дома, принимать гостей. Наиболее спокойно чувствуют себя люди, принимающие дома людей как минимум один раз в неделю. Этот показатель определяет временной баланс между потребностью сохранять независимость своей жизни и интенсивно, доверительно общаться с другими людьми.

Почти поголовное нежелание пожилых людей учиться, получить новые знания фиксирует низкий творческий потенциал в целом данной социально-статусной группы. Наибольший энтузиазм вызывает возможность получить дополнительные знания и навыки в хорошо известных им практических областях, позволяющих удовлетворять витальные потребности (садоводство, огородничество, рукоделие, шитье, медицинские знания). Менее привлекательны новые навыки домашнего мастера, освоение логических интеллектуальных игр типа шахмат. Крайне слабо востребованы навыки игры на музыкальных инструментах, что связано с медицинскими проблемами (частичная утрата слуха, заболевания суставов и т.д.). Скептически пенсионеры относятся и к получению новых знаний в области воспитания. Пожилые петербуржцы сохранили потребность в культурном развитии; они готовы читать художественную литературу, литературу по истории и культуре, но их значительно меньше привлекает страноведение (область интересов подрастающего поколения). Мало заинтересованных в изучении иностранных языков, в работе на компьютере и в сети Интернет (им пользуются 5% пожилых петербуржцев). Почти в равной степени для пожилых людей оказались привлекательны религия и магия, но интерес к ним ниже, чем к области психологии.

Полученные с помощью факторного анализа данные позволяют выделить четыре основных фактора (в порядке убывания их значимости) качества жизни пожилых людей. Первый фактор («независимость») основан на сохранении у части пожилых людей достаточных ресурсов для удовлетворения своих витальных потребностей, в основе которых лежит здоровье, необходимое количество денег и возможность обеспечивать себя самостоятельно. Второй фактор («гарантированная помощь младшего поколения») основан на признании материальной зависимости от детей (следовательно, от возможности и их доброй воли помогать родителям, от хороших отношений). Этот фактор базируется на признании не только равенства сил и жизненных ресурсов со своим брачным партнером (а, точнее, отсутствия этих ресурсов), но и на признании собственного бессилия перед преступностью в любом ее проявлении. Он фиксирует идеализированную веру пожилых людей в способность и желание своих детей решать проблемы родителей, основанную на регулярности оказываемой помощи. Третий фактор («территориальная дистанция межличностных отношений») связан с потребностью пожилых людей в соблюдении баланса символической автономности своей жизни и способности поддерживать позитивные социальные контакты с группами, которые для пенсионеров помимо своей семьи часто ограничиваются только соседями. В представлениях этой группы позитивные контакты с соседями строятся на отсутствии недоразумений на «общей коммунальной площади» и возможности приглашать для общения людей на «свою» территорию. Четвертый фактор («трансляция жизненной стратегии молодости в настоящее время») фиксирует склонность (или необходимость) ограничить круг общения и интересов своей семьей при условии ее достаточно большого размера. Выбор жизненной стратегии, основанной на стремлении постоянно осваивать внешний мир благодаря получению новых знаний, воспринимается некоторыми пожилыми людьми как следствие отсутствия заботы о детях и негативных внешних обстоятельств.

В начале 2000-х годов среди пожилых петербуржцев доминируют стили жизни и стратегии адаптации, связанные с типом коммуникации (интенсивность, направленность, формы общения). В меньшей степени они связаны со способом материального обеспечения. Стратегии могут быть связаны как с конструктивным, так и с деструктивным восприятием пожилыми людьми мира и самих себя. Они не отличаются принципиально от стратегий пенсионеров в советское время. Первая стратегия связана с попыткой максимально долго сохранять трудовую и социальную активность, не менять стиль жизни, присущий людям среднего возраста. Вторая стратегия предполагает сохранение социальной энергии, неплохого здоровья и хорошей способности адаптироваться к новым условиям как общественной, так и собственной жизни, но направлена в основном на материальное обустройство собственной жизни, развлечения, достаточно часто — на образование. Третий тип стратегии связывает пожилого человека с обязательствами вечного помощника и работника в собственной семье. Четвертая стратегия связана с поддержанием своего здоровья, эти люди обладают в целом повышенной тревожностью.

Повышенные социальные риски для пожилых людей определяются тем, что новые экономические условия дают реальные преимущества только занятым на рынке труда или обладателям значительных капиталов. Имущественное расслоение среди пенсионеров пока не привело к радикальным различиям в уровне их социального благополучия. Социальное обеспечение на должном уровне пожилых людей — прерогатива государства, даже если оно не декларирует в качестве своей идеологии нормы социального государства или государства «всеобщего благосостояния» (“welfare state”). Необходимо формировать новый имидж пенсионеров в глазах всего общества и самих пожилых людей, при этом информационные проекты должны учитывать оба аспекта социальной значимости пожилых людей (они нужны и себе подобным, и работоспособному поколению). Раскол в группе пожилых петербуржцев в меньшей степени отражает имущественное расслоение и в большей — расслоение по уровню образования. Образование определяет тип жизненной стратегии людей пенсионного возраста (они обладают более высокими показателями социального здоровья), однако не гарантирует высокого уровня жизни и стандартов потребления. Социальный потенциал и социальное здоровье (за исключением физического самочувствия и активности) не менее чем у половины пожилых петербуржцев очень высоки, но уровень благосостояния большинства из них в 2005 г. не соответствует стандартам социального благополучия. Субъективно большая часть пожилых людей испытывает дискомфорт от осознания невозможности реализовать себя в области социального признания, сохранить как можно дольше материальную независимость, реализоваться в частной жизни, сохранить круг общения и т.д. В ближайшие 5-10 лет доля сторонников активной жизненной стратегии среди пожилых людей будет возрастать, но основная причина этого будет иметь внешний (мобилизационный) характер, поскольку в категорию пенсионеров будут переходить люди, которые успели адаптироваться к новым экономическим условиям. Косвенным следствием этого может стать ситуация, когда относительный рост доходов пожилых людей приведет к фактическому росту доходов более молодых поколений за счет сохранения традиционной для России практики материальной поддержки в семье стариками своих детей и внуков.

Пожилые петербуржцы далеко не всегда успешно отвечают на вызовы нового времени. Во-первых, многие пенсионеры в вопросе своего материального содержания, как и прежде, ориентируются только на государство. Необходимо создавать альтернативные пенсионному обеспечению условия для роста финансового благополучия к старости. Но структуры государственной власти не должны снимать с себя ответственность за заботу об одиноких пенсионерах или инвалидах. Во-вторых, реальный уровень солидарности и взаимопомощи внутри своей возрастной группы у пожилых людей не очень высокий, для многих пожилых петербуржцев круг межличностной коммуникации крайне ограничен, а подчас практически полностью отсутствует. Эти негативные тенденции объективны, они связаны с общим снижением наличных ресурсов пенсионеров (физических, материальных, психологических и т.д.). В то же время потенциал самоорганизации пожилых людей крайне высокий. Необходимо раз-

вивать неформальные сети взаимопомощи и поддержки, создавать клубы по интересам, народные дома творчества и т.д. В-третьих, за последние 15 лет радикально и очень быстро меняется предметное и коммуникативное пространство города. Пожилые люди в силу специфики своего возраста с огромным трудом адаптируются к нему, что повышает риски коммуникационных конфликтов, изоляции / самоизоляции, психологического отторжения инноваций, элементарного травматизма. В-четвертых, при изменении соотношения между поколениями в сторону старения населения многократно возрастает роль пожилых людей не только как активного электората, но и как группы, способной внести существенный вклад в формирование гражданского общества. Потенциал участия пенсионеров в работе не только политических партий или общественных организаций, но и ветеранских советов фактически не реализуется. Необходимо привлекать пожилых людей к так называемым общественным скупкам для принятия решений о реорганизации внутригородского пространства (транспорта, здравоохранения, коммуникаций, культурной среды и т.д.). В-пятых, стереотипный образ обладателя «третьего возраста» как слабого, бесполезного и т.д. нередко поддерживается самими пожилыми людьми. Необходимо разработать комплексную региональную программу психологической поддержки пенсионеров, создать новый образ активного, деятельного, энергичного, мудрого пожилого человека, продвигать и транслировать его на самую широкую аудиторию всех возрастов, поскольку в настоящий момент значительно затруднена содержательная коммуникация между поколениями из-за нарастающего раскола ценностей. Необходима продуманная программа налаживания диалога и усиления солидарности между поколениями. В-шестых, многие пожилые люди относятся к образованию и самообразованию как к чему-то, не соответствующему их возрасту, считают себя уже неспособными к обучению. Необходимо сломать данный стереотип, создав в городе специальную программу обучения пожилых и на практике воплотив проект непрерывного образования через систему дистанционного обучения, телевизионных курсов, системы лекторисов и клубов, «университетов для третьего возраста», тематика которых должна охватывать как можно более широкий круг проблем. В-седьмых, хотя оценка пожилыми людьми работы сотрудников социальных служб в целом положительная, необходимо создать систему их переподготовки с целью получения дополнительных знаний в области медицины и психологии, поскольку социальные работники помимо выполнения своих прямых обязанностей подчас являются именно теми людьми, кто входит в самый близкий круг общения пенсионеров.

В заключении представлены основные выводы диссертационного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Шмелева Е.В. Пожилые петербуржцы сегодня: основные факторы, определяющие качество жизни // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. №2.
2. Гавра Д.П., Шмелева Е.В. Тихая революция по петербуржски // Актуальные проблемы современной политической науки. Выпуск 5. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2005.

3. Гавра Д.П., Шмелева Е.В. Петербург: элитное измерение. Июль-сентябрь 2002. СПб.: АМК «МарКо».
4. Гавра Д.П., Шмелева Е.В., Власова Т.И., Афанасьева Л.И. Барометр мнений лидеров Ленинградской области // Серия «Исследования региональной элиты». Апрель-май 2003. СПб.: АМК «МарКо».

Подписано к печати 01.11.2005 г. Формат 60 x 90 1/16. Отпечатано на ризографе.
Тираж 100 экз. Печать и брошюровка выполнена в ООО Агентство «МарКо».
г. С.-Петербург, Россия.

№ 2 4 9 3 8

РНБ Русский фонд

2006-4

26122